

Володьков А. А.

ЭФФЕКТ АНОМАЛИИ

Андрей Володьков

Эффект аномалии

«Автор»

2026

Володьков А. А.

Эффект аномалии / А. А. Володьков — «Автор», 2026

Эта книга о обычном человеке по имени Алексей на ее страницах вы узнаете о том, как выжить в космическом аду, когда ты даже не пушечное мясо, а просто статистическая погрешность. И о том, что иногда, что бы победить богов, достаточно быть просто человеком.

© Володьков А. А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Володьков

Эффект аномалии

Глава 1

В тесной, тускло освещённой серверной на окраине Новосибирска мигали ряды серверных стоек. Пахло пылью и перегретым пластиком. Алексей, системный администратор одной из обсерваторий, устало протёр глаза. Очередная ночь, очередная проверка логов радиотелескопа РТ-70.

Обычно это была скучная рутина: космический шум, фоновое излучение, изредка — отражения от старого спутникового мусора. Но последние три часа спектрограмма сходилась с ума.

— Что за чертовщина... — пробормотал он, увеличивая участок сигнала.

Это не был шум. Это был ритм. Идеально ровный, математически выверенный всплеск энергии, повторяющийся каждые одиннадцать секунд. Мощность сигнала была колоссальной — он забивал частоты так, будто передатчик стоял на Луне, хотя Луна сейчас была в другой фазе.

Алексей пощёлкал клавишами, запуская алгоритм очистки от помех. Программа выдала ошибку: «Сигнал не имеет аналогов в базе данных. Источник не идентифицирован».

Он по внутренней связи набрал номер начальника смены.

— Михалыч, глянь на третий монитор. У нас тут либо инопланетяне базу в поясе Койпера строят, либо военные опять «Сферу» тестируют, но частоту не согласовали.

Михалыч, хмурый астрофизик, подошёл через минуту. Он долго смотрел на график, потом медленно перевёл взгляд на карту звёздного неба, куда проецировался вектор сигнала.

— Военные отнекиваются... — протянул он. — А вектор указывает прямо в рукав Ориона. На пустой участок неба, где даже глазом ничего не видно.

В этот момент сигнал прервался. На графике осталась лишь глубокая, звенящая тишина. А через одиннадцать секунд он вернулся, но теперь к ритмичному всплеску добавился второй слой — низкочастотный гул, от которого мелко завибрировали алюминиевые корпуса серверов.

Михалыч сглотнул.

— Лёша, — тихо сказал он. — Звони в Москву. В президиум РАН. И пусть они будут кого надо. Нам только что кто-то позвонил в дверь.

Алексей вернулся ближе к вечеру домой в разбитом состоянии. Мало того что ему пришлось до обеда ждать каких-то высокопоставленных службистов. Так ещё они недвусмысленно

дали понять, чтобы он забыл обо всём увиденном, иначе — госизмена и Магадан. А он уже себя видел как первооткрывателя внеземной жизни. Его Ленка наконец перестала бы его пилить, что он штаны просиживает в своей обсерватории за сущие копейки. Если бы не квартира её мамы, жили бы в коммуналке.

Ключ повернулся в замке с тихим щелчком. В прихожей пахло жареной картошкой и луком — Елена опять болтала со своей новомодной умной колонкой.

— Явился, — донеслось из кухни. Голос был лишён всякого приветствия. — Нагулялся? Я тебя с утра потеряла. Телефон где?

Алексей стянул тяжёлые ботинки и молча прошёл в гостиную, рухнув в продавленное кресло. Он смотрел в одну точку, на старенький ковёр с оленями, который помнил ещё его детство.

— Лёш, я с кем разговариваю? — Елена появилась в дверном проёме, вытирая руки о полотенце. Её взгляд, обычно цепкий и оценивающий, на секунду дрогнул, заметив его бледность. — Что случилось? Выглядишь так, будто тебя собаки рвали.

— Хуже, Лен, — хрипло ответил он. — Инопланетяне.

Лена на мгновение замерла, её рука с полотенцем застыла в воздухе. Она ожидала услышать что угодно: что его уволили, что он проиграл в карты заначку, что Михалыч разбил казённую машину. Но не это.

— Какие инопланетяне, Лёш? — устало вздохнула она, возвращая полотенце на плечо. — Опять свои шумы на радарах ловил? Я же говорила, переходи в коммерцию, как Витя. У него уже вторая машина, а ты... — она махнула рукой, обречённо махнув на его старые джинсы. — Сидишь в своём НИИ. Ладно, мой руки, картошка стынет. И не забудь, завтра к моей маме на юбилей. Рубашку погладь, ту, синюю, а не эту свою застиранную.

Она развернулась, чтобы уйти, но Алексей вдруг вскочил. В его глазах горел лихорадочный, почти безумный огонь.

— Они не шумы, Лена! — почти закричал он. — Это был направленный вектор! Одиннадцать секунд, чёткий импульс! Я записал всё на личный носитель, пока эти... в погонах... не отформатировали серверную! Они приходили сюда, понимаешь? Из другой галактики! А я... я видел это первым!

Елена медленно обернулась. Её лицо, до этого выражавшее лишь бытовую усталость, стало каменным.

— Какие погоны? Какие носители? Ты что, пил с Михалычем?

— Я не пил! — он подскочил к ней, хватая за плечи. — Они сказали, что если я пикну про сигнал, меня увезут так далеко, что мама не найдёт! Магадан, Лена! Они забрали логи! Но копия у меня на флешке. Мы должны...

— Руки убрал, — тихо, но с такой сталью в голосе, что Алексей отшатнулся. — Положил ключи от квартиры на тумбочку. И сел. Жрать.

Она ушла на кухню, громко хлопнув дверью старого холодильника. Алексей остался стоять в коридоре. Первооткрыватель. Спаситель человечества. В ушах всё ещё стоял тот низкочастотный гул, а в кармане куртки, под подкладкой, куда не додумались заглянуть службисты, лежала старая USB-флешка. И на ней — звонок из другой галактики.

Так и не поев, Алексей лёг спать. После ночной смены голова была не на месте. Он ворочался на скомканных простынях, слушая, как на кухне монотонно гудит холодильник. Сон не шёл. Перед глазами стояла спектрограмма — идеальная, нечеловеческая синусоида, а в ушах звенел тот самый низкочастотный гул.

Каждый раз, когда он начинал проваливаться в дремоту, ему мерещились шаги в коридоре и тихий скрежет замка. Он вскакивал, садился на край кровати и смотрел на свою затасканную куртку, сиротливо висящую на вешалке в темноте. Там, внутри, под подкладкой, лежала копия сигнала. Его билет из коммуналки в историю. Или его пропуск в Магадан.

Проворочавшись до рассвета, Алексей забылся тяжёлым, тревожным сном без сновидений только тогда, когда первые лучи солнца окончательно выбелили окно.

Глава 2

Корабль ануннаков «Лункор Хери». Наместник Са-енмут контролировал сбор с обширной области рукава. Пусть эта область и была одной из крупнейших, но населённых систем было мало, а уровень их развития был низок. Он понимал, что это почётная ссылка, ведь он — сын великого Са-енмата Тахура, проигравшего борьбу за трон. Он должен быть благодарен, что его не аннигилировали, как его отца и старших братьев.

Ему, можно сказать, повезло. Ведь его род предали его ближайшие родственники по линии матери — переворот произошёл в один момент. Его отца и старших братьев уничтожили на смотре нового дредноута «Неоспоримый». Одним ударом вся верхушка великой расы была ликвидирована. В это время Са-енмут был на очередном сборе — его мать Анрила его отослала. Теперь понятно, что она знала о готовящемся теракте.

Она любила своего младшего сына: он не был, как его отец и братья, чёрствым и бездушным владыкой. Он тяготел к исследованиям и науке.

Са-енмут не интересовался политикой. А возможно, если бы больше времени уделял этому вопросу, он бы заметил, к чему всё идёт. Недовольство в высших кругах политикой его отца достигло пика и вылилось в переворот. Многих не устраивала изоляционная политика его отца.

Его отец, Са-енмут Тахир, считал, что технологии должны быть исключительно ануннаков, и стремился развивать свои, вкладывая огромные средства в научные центры.

Его оппозицией выступал Типпу Тип, глава работоторговцев. Он считал, что технологии надо закупать у более развитых толиманцев или альгольцев.

Его размышления прервало уведомление, пришедшее на коммуникатор. Срочное распоряжение от нового главы и ныне столпа Типпу Типа Са-енмут встретил на своём корабле. Его корабль, линкор «Хери», был больше научной лабораторией, нежели военной единицей. Ему хватало кораблей поддержки, чтобы справиться с многочисленными пиратами — в основном из соседнего Лебеда. Для этого хватало эскадры из двух тяжёлых крейсеров, лёгкого крейсера-разведчика и дюжины десантных челноков.

Столп Ориона не стал себя утруждать вызовом по голо-связи. Он выслал распоряжение через своего адмирала, как какому-то простому капитану.

Са-енмут понимал своё шаткое положение, и любой повод мог стать удобным предлогом для его устранения. Несмотря на то что его мать, Анрила, была официальной фавориткой и, по слухам, тайной женой Типпу Типа.

Она была женщиной редкой, пугающей красоты, чьи интриги в своё время помогли Типпу Типу захватить власть. Но Анрила была умна. Она знала, что в глазах нового столпа её сын — это лишь живое напоминание о старом режиме, ошибка, которую великий Типпу Тип великодушно позволил жить. Любая тень на репутации Са-енмута бросала бы пятно на самого Типпу Типа, и мать не собиралась этого допускать. Она отослала его на край галактики не только ради спасения, но и чтобы держать подальше от ядовитых дворцовых змей столицы.

Са-енмуту поступил приказ в срочном порядке начать процедуру сбора, причём предписание было о максимальной выборке ресурсов и рабов с подконтрольной территории. Такой приказ был фактическим приговором для жизни в этих системах. Максимальный сбор подразумевает тотальное выгребание живой силы для последующей продажи на рабских рынках у нунков и гиенахов. Са-енмут не понимал, зачем забивать корову, если её ещё можно доить и доить. Но послушаться он не мог.

Глава 3

Система «Кеплер-4», аграрный мир третьего класса.

Наместник планеты из местных получил уведомление о внеплановом сборе. Обычно приходили корабли владык и забирали часть лучшего населения планеты и налог в виде продовольствия и полезных ископаемых, взыскиваемый владыками в размере 66%. Такой налог ставил на грань выживания местное население, но это мало заботило ануннаков. Местное население даже не знало, что платит дань инопланетной расе — в детали был посвящён лишь узкий круг лиц, что стоял над местными королями.

Но этот раз был иным. Вместо привычного тяжёлого крейсера «Стерх-9», вмещавшего сотни тонн металлов и продовольствия, который в окружении дюжины челноков высаживался на сборочную площадь, где всё было готово к отгрузке заблаговременно. Ведь прогневать владык ануннаков было катастрофически опасно. Вместо этого в верхних слоях атмосферы зависла тяжёлая туша линкора «Хери».

Наместник, бледнея, перечитывал строки предписания. «Максимальная выборка». «Тотальная мобилизация». «Приоритет — биомасса».

Он знал, что 66% — это грань, за которой начинается голод и бунты. Но в приказе не было цифр. Там было слово «всё». А тотальная мобилизация? Это что? Обычно забирают несколько миллионов отборных молодых людей и девушек.

Связь с орбитой долго не отвечала, а когда на экране наконец появилось лицо капитана ануннака — смуглого мужчины с пронзительными голубыми глазами и неестественно вытянутым назад черепом — наместник позволил себе задать вопрос:

— Господин... Мне не понятны предписания, плановый сбор был недавно, мы просто не готовы... — проблеял жалобно наместник.

— Приказ изменён, — бесстрастно ответил тот. — Максимальный сбор. Подготовьте ваших ответственных за сбор, всё должно пройти без проблем. И передайте вашим... королям, — слово прозвучало с нескрываемым презрением, — что сопротивление будет подавлено аннигиляцией столицы. Сборщики будут на поверхности через час. Не заставляйте нас ждать.

Связь прервалась.

Наместник выронил планшет. Он понял, что 66% были актом милосердия, о котором раса ануннаков даже не подозревала. А теперь «милосердия» не будет. Будет только «выборка».

На этот раз владыки-ануннаки, не скрываясь, высаживались в крупных городах и столицах Кеплера-4. Местное население, как скот, загоняли в корабли, гасили сознание специальным излучателем и грузили в ящики, больше напоминающие гробы.

Улицы, ещё утром полные рыночной суеты, теперь были пусты и усыпаны брошенным скарбом. Тяжёлые пандусы линкора «Хери» и его крейсеров жадно поглощали бесконечную вереницу людей. Тех, на кого не работал излучатель, не убивали — их просто бросали в пустых городах. Процесс был отлажен, размениваться на мелочи времени не было.

Из излучателей на бортах кораблей лилась монотонная, леденящая кровь мелодия — сигнал, не различимый людьми, только животные в панике забивались в углы. Этот сигнал подавлял волю и вызывал глубокое оцепенение. Люди шли молча, с пустыми глазами, сами переставляя ноги по гулким металлическим мостикам, и укладывались в тесные капсулы. Крышка захлопывалась с глухим гидравлическим шипом, навсегда отрезая их от неба родного мира.

Для «Кеплера-4» настал апокалипсис.

Когда крейсера ануннаков покинули атмосферу и ушли в гиперпрыжок, увозя в своих гробах-капсулах цвет нации, планета осталась умирать. Остатки населения — по большей части глубокие старики и слишком маленькие, неприспособленные дети — были обречены.

Лишённые централизованного управления, электростанций и автоматизированных ферм, они оказались в каменном веке. Те, кто не умрёт от голода и болезней в первую же зиму, начнут долгий, мучительный процесс по заселению планеты, который растянется на тысячи лет. Им придётся заново учиться добывать огонь, ковать железо и вспахивать землю деревянным плугом, навсегда забыв о стекле городов и свете электричества. «Кеплер-4» откатился в развитии на тысячелетия назад, превратившись из аграрного мира в кладбище былой цивилизации.

Са-енмут, наблюдая за процессом сбора на голо-проекторах, мог только грустно морщить широкий лоб. Ослушаться приказа он не мог, да и неспроста они сами разоряют свои угодья, с которых имели хоть и скудный по меркам других рукавов, но постоянный доход.

Это не было похоже на обычный сбор дани. Это было похоже на то, как если бы фермер решил забить весь свой скот и выкорчевать все плодовые деревья ради одной быстрой продажи мяса на рынке, обрекая себя на голодную смерть в следующем году.

Са-енмут понимал: Типпу Тип не заботится о будущем рукава Ориона. Ему нужны ресурсы здесь и сейчас. Возможно, для подкупа других столпов, чтобы удержать шаткий трон. Возможно, для оплаты долгов перед нунками за антимагию. Наместник сжал подлокотники кресла так, что побелели костяшки. Он был учёным, а не палачом, но сейчас его корабли были инструментами геноцида.

Следующей на очереди была очередная отсталая планета, население которой только начало осваивать ближний космос, запуская на орбиту примитивные устройства связи. Примечательной она была ещё и тем, что пару тысяч лет назад местное население смогло достигнуть такого уровня развития, что бросило вызов им, великим ануннакам, и попыталось дать отпор. Конечно, эта нелепая попытка была быстро устранена, а местные откатились в средневековье. Новая же администрация была полностью лояльна и в срок поставляла все необходимые ресурсы.

Здесь, как и на остальных отсталых планетах, космический вассалитет был под секретом для основных масс. А массовые сборы местная администрация объясняла кризисами, пандемией или войной. Очередной сбор налога там проходил совсем недавно. Местные президенты, скрипя зубами, отдали положенные 66%, думая, что откупились на десятилетие вперёд. Они ещё не знали, что их «кризис» только начинается, и что предыдущий визит сборщиков был лишь прелюдией к полному уничтожению.

Ещё этот голубой шарик вызывал у Са-енмута приятные впечатления своим населением, стремящимся к знаниям и исследовательскому рвению — это было близко ему по духу. Ему было искренне жаль разорять эту планету, но к его глубочайшему сожалению ничего изменить было нельзя.

Глядя на то, как десантные капсулы ануннаков входят в атмосферу мира, который ещё не изобрёл даже антигравитацию, Са-енмут чувствовал, как внутри него поднимается глухая, бессильная ярость, смешанная с брезгливым презрением. Типпу Тип был для него не великим правителем, а лишь узурпатором и мясником. В отличие от отца, который строил и исследовал, Типпу Тип умел только отнимать и разрушать, прикрывая свою алчность громкими лозунгами о «величии расы».

Так как истинных мотивов этой политики Са-енмут не знал, а посвящать в них сына казнённого врага никто не собирался, он мог только бессильно наблюдать за уничтожением младших миров, чувствуя себя не наместником великой империи, а соучастником бессмысленного, кровавого грабежа.

Алексей проснулся в пустой квартире от непонятного, сосущего тревожного чувства. Снился ему дурной, обрывочный сон, от которого он встал взмокший и уставший, словно после долгой болезни. За окном была ветреная, беспокойная погода — низкие тучи цеплялись за крыши панельных многоэтажек.

Жена Лена уехала к матери, вероятно, посчитав, что Лёша со своей «манией» про инопланетян опять будет позорить её перед родственниками. Он не был чудачком, верящим в зелёных человечков и летающие тарелки, а был исследователем, стремящимся узнать тайны мироздания. Он не верил в инопланетян — он знал, что в такой необъятной вселенной человек не одинок и далеко не самый разумный вид. И от этого знания, подтверждённого той самой spectroграммой, спрятанной в куртке, ему сейчас было страшнее всего.

Хмуро встав, умывшись и почистив зубы, он прошаркал на кухню заваривать кофе. Состояние не улучшилось — он был разбит, и разболелась голова.

— Да что со мной? — пробормотал он, морщась от яркого света лампы. — Заболел, что ли? Это всё, наверное, от нервов. Не слабо мне потрепали их служаки, угрожая серьёзным сроком и статьёй «измена родине».

Какая ирония: как по мнению самого Алексея, скрывать такую информацию и есть измена родине.

А ещё дворовые собаки жалобно развылись за окном, как волки на луну.

Поднеся кружку с горячим кофе к губам и привычно взглянув в окно, Алексей моментально очнулся. Сонливость и головная боль как рукой сняло. А обжигающий кофе плеснул на колени, на что Алексей не обратил внимания. Картина за окном его сильно озадачила, а затем ввергла в первобытный ужас.

Он видел, как множество людей, как зомби, без верхней одежды — кто в тапках, а кто и босиком — ровными, неестественно плотными ручьями шли в сторону центра города. Это выглядело неправильно и жутко. Людей было много, очень много, но все они двигались молча, с пустыми, устремлёнными в одну точку лицами, словно зомбированные. Ни криков, ни разговоров — только мерный, глухой топот ног по мокрому асфальту и жалобный, тоскливый вой собак.

Алексей включил телевизор, но там ничего о том, что происходит, не было. На всех федеральных каналах шли утренние шоу и новости о повышении цен на бензин, шла штатная запись, никаких экстренных новостей. Он лихорадочно зашёл в сеть интернет, но и там никаких объяснений не было — только мемы, коттики и утренние пробки.

Не представляя, где ему искать ответы, он оделся, накинул куртку прямо поверх пижамных штанов и вышел на улицу, чтобы выяснить, куда идут зомбированные горожане.

Холодный ноябрьский ветер тут же ударил в лицо. Толпа текла мимо его подъезда сплошным, непрерывным потоком. Алексей попытался схватить за рукав идущего мимо мужчину в одних спортивных штанах и тапочках.

— Эй! Мужик! Очнись! Куда все идут? — крикнул Алексей.

Мужчина даже не повернул головы. Его глаза были стеклянными, а лицо — абсолютно расслабленным, лишённым всяких эмоций. Он просто мягко, но непреодолимо отстранил руку Алексея и продолжил шагать в такт общему ритму. От него не пахло ни алкоголем, ни безумием — только холодным утренним воздухом.

Алексей понял, что разговаривать с ними бесполезно. Он влился в этот жуткий, молчаливый поток, стараясь держаться края, и позволил толпе нести себя к центру города.

Выйдя на Красный проспект, Алексей инстинктивно прижался спиной к холодной кирпичной стене дома, тяжело дыша. Он вынырнул из-за угла, повернул голову в сторону площади Ленина и замер. Кровь в венах превратилась в лёд.

То, что он принял за утренний туман или странное облако, оказалось краем чего-то колоссального. Огромная пирамида из матового, золотистого металла висела прямо над площадью Ленина. Она не издавала ни звука. Не было ни гула двигателей, ни свиста ветра. Она просто была, отбрасывая на старинный фасад Оперного театра неестественно резкую, геометрически идеальную тень.

Но страшнее всего была тишина. И давящий на психику вой собак.

Тысячи людей, которых он видел из окна, больше не были просто «зомбированными». Они двигались с пугающей, синхронной точностью, как капли ртути, сливающиеся в одну реку. Никто не толкался, никто не смотрел по сторонам. Их пустые глаза были устремлены только вперёд — в разверстую пасть гигантского корабля.

Оттуда, из тёмного зева пирамиды, лился холодный, пульсирующий свет цвета индиго. Он не освещал, а, казалось, вытягивал тепло из воздуха. И люди шли в этот свет. Молча. Безропотно. Они поднимались по невидимым пандусам и исчезали во тьме, словно вода, уходящая в слив. Это не было вторжением. Это был исход. И Алексей, стоявший на обочине этого жуткого потока, внезапно осознал, что он — единственный, на кого не действует таинственная инопланетная магия.

— Вот они и прилетели... — ошарашенно произнёс Алексей, не отводя взгляда от колоссального пирамидального корабля.

Дух исследователя, годами запертый в пыльных архивах обсерватории, требовал подойти ближе, рассмотреть каждую грань этого инопланетного творения, понять принцип его движения. Прямой угрозы он не наблюдал. Оружия не было видно, не было взрывов или паники.

— Скорее всего, на людей воздействует какой-то гипно-луч или резонанс, — пробормотал он себе под нос, пытаясь анализировать ситуацию, а не поддаваться первобытному ужасу. — Массовый контроль.

Странно, что на самого Алексея он не сработал. Возможно, он — случайность, погрешность. Может, дело в той странной спектрограмме, что он видел вчера? Или в том, что его мозг, привыкший искать порядок в хаосе космического шума, просто отторгает эту чужеродную команду? Конечно, приятно осознавать себя особенным, но в этой ситуации это никак не помогало.

Он сделал осторожный шаг вперёд, выходя из тени арки дома, чтобы лучше видеть. Страх боролся с маниакальным научным любопытством.

Подойдя к основанию пирамиды, ближе к правой грани, где поток людей казался наиболее плотным, Алексей смог наконец разглядеть детали сквозь мерцающую пелену воздуха.

Его догадка подтвердилась, но реальность оказалась куда страшнее. Люди не просто заходили внутрь. Они подходили к открытым ячейкам в тёмном металле, которые напоминали соты гигантского улья, и ложились в прозрачные капсулы. Как только крышка бесшумно опускалась, механизм с влажным пневматическим шипением втягивал «заряд» прямо в стену, словно патрон в обойму.

Таких шлюзов по всему корпусу корабля были тысячи. И люди упаковывались пугающе быстро. Никакой паники, никакой суеты — просто механический, отлаженный процесс. Тело ложится, крышка закрывается, глухой щелчок, и пустая ячейка ждёт следующего.

Судя по скорости, этот процесс много времени не займёт. Алексей прикинул площадь покрытия и плотность потока. Уже к вечеру весь город-миллионник будет аккуратно, по секторам, упакован в недра этого колоссального корабля. Новосибирск просто исчезнет с лица земли, оставив после себя лишь пустые улицы и брошенные домашние тапочки на асфальте.

На Алексея внезапно, тугой волной накатила паника. Сердце заколотилось где-то в горле, а во рту появился металлический привкус. Он, кандидат наук, исследователь, стоял на площади и понимал, что никак, абсолютно никак не может повлиять на происходящее. Это было за гранью его понимания.

Его мозг лихорадочно искал выход, но его не было. Идти ложиться в капсулу он точно не станет. Кто знает, может, эти невиданные пришельцы просто пополняют запасы деликатесов? И он окажется на полке какой-нибудь галактической «Пятёрочки» в виде охлаждённого филе.

Остаться одному в опустевшем городе... Вариант. От голода не умрёт. Одного склада с тушёнкой на какой-нибудь военной базе ему хватит на всю оставшуюся жизнь, превратившись в городского отшельника среди бетонных склепов. Но это было бегством. А Алексей не умел бежать от загадок.

Быстро прикинув дальнейшие действия, Алексей принял решение. Он развернулся и, пригнувшись, чтобы не попасть в основной поток, бросился бежать в сторону Академгородка.

Возможно, там, в тишине серверных стоек и под куполом радиотелескопа, он сможет найти хоть какие-то ответы. Если сигнал, который он поймал вчера, как-то связан с этим золотым кошмаром, то ключ должен быть там.

Глава 5

По дороге в Академгородок, перебегая через Бердское шоссе, он услышал нарастающий, давящий на перепонки гул. Низко над верхушками сосен, едва не задевая рекламные щиты, прошёл тяжёлый военный вертолёт. Он шёл не патрульным маршрутом — он шёл целенаправленно.

Вертолёт круто развернулся, поднимая вихрь опавшей листвы и пыли, и тяжело сел на пустую парковку торгового центра, недалеко от бегущего Алексея.

Двигатель стих, и из открывшегося люка, не дожидаясь полной остановки лопастей, выпрыгнул военный в полевой форме. Он был подтянут, гладко выбрит, и его глаза смотрели цепко и оценивающе. Не успел Алексей опомниться, как тот уже преградил ему путь.

Майор протянул руку, игнорируя протокольные формальности.

— Майор Савин.

Алексей неуверенной, дрожащей походкой подошёл ближе. Рука майора была сухой и жёсткой, как доска.

— Алексей... Алексеевич... — голос предательски дрогнул. Он откашлялся. — Алексей Владимирович, — уже твёрже представился он, пытаясь выпрямить спину перед человеком в форме.

Майор Савин не стал ничего объяснять. Он просто сделал короткий, властный жест рукой, указывая на открытый десантный отсек вертолёта.

Алексей решил не спорить. Любая попытка побега сейчас выглядела бы глупо — винтокрылая машина была самым быстрым способом добраться до ответов. Он молча кивнул и, пригнув голову, пошёл на указанное место, чувствуя, как от работающих двигателей вибрирует под ногами металлический пол.

Он плюхнулся на холодное откидное сиденье. Вдруг этот военный знает, что происходит? Ответы были нужны Алексею как воздух. Непонимание происходящего, эта звенящая пустота и молчаливая покорность толпы вызвали первобытный, животный страх. Он забыл о голоде и жажде, о брошенной квартире и уехавшей жене — всё, что его сейчас интересовало, это почему.

А этот человек в камуфляже, с планшетом на коленях и лицом, не выражающим никаких эмоций, явно что-то да знает. Он не шёл в капсулы. Он летел на вертолёте. И это давало Алексею крошечную, но такую важную надежду.

Когда многотонная машина оторвалась от земли и резко пошла вверх, заложив вираж над лесополосой, Алексей припал к холодному стеклу иллюминатора. То, что он увидел, заставило его вцепиться в страховочную скобу так, что побелели костяшки.

Новосибирск внизу больше не был городом. Он превратился в идеально организованный муравейник, работающий на один единственный механизм.

С высоты птичьего полёта пирамида уже не казалась просто кораблём — она выглядела как гигантский, пульсирующий орган, присосавшийся к сердцу мегаполиса. От неё во все стороны, по главным артериям города — Красному проспекту, мостам через Обь, широким магистралям — текли бесконечные, прямые реки людей.

Это не было хаотичным бегством или митингом. Это был идеальный конвейер. Потоки с окраин сходились к центру, вливаясь в тёмное жерло корабля. Алексей видел, как на площади Маркса, у вокзала и в районе «Золотой Нивы» формируются такие же молчаливые колонны.

Вертолёт поднялся выше. Теперь масштаб катастрофы стал пугающе очевиден. Город был мёртв. Окна жилых высоток, ещё недавно горевшие уютными жёлтыми огнями, теперь зияли пустотой. На парковках стояли брошенные машины, некоторые — с открытыми дверями и всё ещё работающими двигателями.

Но страшнее всего была геометрия. Люди внизу двигались не как толпа, а как части единого механизма. Они не обходили препятствия, они огибали их с математической точностью, не нарушая строй.

— Господи... — прошептал Алексей, глядя, как с моста через Обь сходит непрерывная лента людей, направляясь к реке, где, судя по показаниям на приборной панели пилота, зависла ещё одна, вспомогательная секция пирамиды, уходящая прямо в воду. — Они забирают всех. Весь миллион. Весь город.

Майор Савин сидел в кресле напротив, пристёгнутый, но не расслабленный. Он не смотрел в иллюминатор. Его взгляд был прикован к тактическому планшету, а пальцы методично, с механическим спокойствием, вводили какие-то команды, сверяясь с потоком данных.

Когда Алексей, не в силах оторваться от страшной картины, выдохнул: «Господи... Они забирают всех», — майор медленно повернул голову.

Он посмотрел на побледневшее лицо учёного, затем перевёл глаза на город внизу. В его взгляде не было ни паники, ни ужаса. Только холодное, профессиональное удовлетворение от хорошо выполненной работы. Он смотрел на это не как на катастрофу, а как на идеальный график отгрузки.

— Именно, Алексей Владимирович, — голос майора был лишён эмоций, сухой и официальный. — Всех. План эвакуации выполняется на 99 процентов.

Он коротко кивнул пилоту, и вертолёт, задрав нос, резко набрал высоту, уходя прочь от центра, в сторону закрытой военной зоны за Обским морем.

— Те, кто сейчас идёт туда, — Савин мельком глянул на пирамиду, — это просто логистика. А мы... — он постучал пальцем по экрану планшета, где мерцали зелёные точки, обозначающие заполненные сектора корабля, — мы здесь, чтобы проконтролировать норму выработки. Обеспечить отсутствие заторов в транспортных артериях. И доложить наверх, когда город будет пуст.

Он повернулся к Алексею, и в его глазах впервые мелькнул интерес.

— А вы, Алексей Владимирович, кажется, не поддались воздействию. Это аномалия. Которую мне приказано зафиксировать. И передать... заказчику.

— Но куда их забирают? — спросил Алексей, отрываясь от иллюминатора и глядя на военного так, словно тот сам был инопланетянином.

Майор Савин оторвал взгляд от планшета. На его губах промелькнула кривая, лишённая веселья усмешка.

— Откуда я знаю? Я простой исполнитель. Мне приказано проследить за сбором и обеспечить соблюдение квоты.

Он щёлкнул тумблером на приборной панели, и в отсеке повисла гудящая тишина, нарушаемая только свистом ветра.

— Вообще, это совершенно секретно. Уровень допуска «Омега». Но... — он снова посмотрел на пустеющие внизу улицы. — Что-то мне сдаётся, что больше не от кого скрывать правду.

— Правду? — переспросил Алексей, чувствуя, как по спине бежит холодок. Он до сих пор не понимал, что происходит. — Какую правду, майор? Что это за пирамида? Почему люди идут туда?!

Савин долго молчал, постукивая пальцами по пластику планшета.

— Правда в том, Алексей Владимирович, что это не вторжение.

Савин убрал планшет в чехол и посмотрел Алексею прямо в глаза. Вертолёт резко вильнул, уходя от турбулентного потока над центром.

— Это сбор ресурсов. Людских ресурсов, ископаемых, продовольствия. На протяжении всей истории планета Земля платит дань своим хозяевам. Вы думаете, войны, эпидемии и революции — это случайность? Это просто... естественная убыль. Регулировка поголовья. Мы, военные, всегда знали, что мы не одни. Мы просто охраняли периметр загона.

Алексей слушал это, и его мир, построенный на законах физики и логике, рушился с оглушительным треском. Он хотел засмеяться, сказать, что майор сошёл с ума от стресса, что это бред. Но он только что видел миллионы людей, добровольно идущих в пасть чудовищу. Это было логичнее, чем любой теракт или массовое помешательство.

— Регулировка... поголовья? — голос Алексея сел до хриплого шёпота. Он вцепился пальцами в сиденье так, что побелели ногти. — То есть... всё это время? Все эти века? Мы просто... скот?

Майор молчал, глядя, как одна из золотых пирамид начинает медленно, почти незаметно подниматься в стратосферу, закончив втягивать последние нити людских рек.

— Но в этот раз всё по-другому, — его голос стал тише, почти шёпот. — Они решили забрать всё. Не отборную часть населения, как обычно. Не редкоземельные металлы. Они обнуляют планету. Забирают всех до единого и вычищают склады подчистую. Мы не платим дань. Мы закрываем складскую позицию.

Алексей почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он был учёным, исследователем. Он искал братьев по разуму, мечтал о контакте. А теперь он узнал, что разум нашёл их первым. И счёл их просто мясом.

Полёт до базы прошёл в гнетущем, плотном молчании. Алексею больше не хотелось ответов. Ему всё казалось нереальным, просто кошмарным сном, затянувшимся из-за недосыпа. Он должен вот-вот проснуться в своей кровати, и всё будет как раньше.

Скучная работа, не приносящая достаточного дохода. Не любящая и вечно упрекающая жена Лена. Да даже сосед сверху со своим вечным перфоратором, долбящим стены в семь утра воскресенья, сейчас казался символом далёкого и прекрасного мира. Мира, где всё было просто и понятно. Где самой большой проблемой была ипотека, а не золотые пирамиды, пожирающие города.

Вертолёт резко пошёл на снижение, заходя на посадку в бетонный колодец подземного ангара. Тяжёлый удар шасси о пол вырвал Алексея из оцепенения. Он моргнул. Нет. Перфоратор не гудел. За бортом была абсолютная, стерильная тишина секретного объекта. Кошмар продолжался наяву.

— Пройдёмте, — сказал майор, и Алексей послушно поплёлся за военным, словно привязанный невидимой нитью.

Та правда, что свалилась на его голову, выбила его из колеи. Она не просто испугала — она аннулировала его личность, его знания, его само право называться человеком. Он не смотрел по сторонам, в голове было пусто. Алексей просто шёл за майором, механически переставляя ноги, сам себе напоминая те безвольные массы, текущие в золотистое нутро пирамиды.

Когда они вошли в просторный, ярко освещённый офис, майор попросил подождать его на кожаном диване в углу, а сам куда-то скрылся за звуконепроницаемой дверью.

Алексей хмуро огляделся. Он находился в типичном оперативном штабе. Вокруг сновали люди в форме: кто-то напряжённо смотрел в мониторы, кто-то быстро печатал на клавиатурах, кто-то тыкал пальцами в планшеты, отдавая распоряжения. В углу непрерывно звонили защищённые «вертушки».

Эта обыденная, рабочая суeta немного привела Алексея в себя. Воздух пах дешёвым кофе и потом, люди трудились как машины, которые были тщательно упакованы в устав и протоколы. Он-то уже подумал, что остался единственным нормальным человеком, которому теперь предстоит выживать в одиночестве среди руин, а тут... Тут люди были все при деле. Никто не паниковал, не бился в истерику и не впадал в отчаяние. Для них это был просто вторник. Очень сложный, очень масштабный, но — вторник.

Он откинулся на спинку дивана и впервые за утро почувствовал, как смертельная усталость наваливается на плечи.

Спустя где-то час к Алексею подошёл майор Савин в сопровождении ещё одного военного. Этот был старше, в ладно сидящем кителе с полковничьими погонами, и от него веяло не казармой, а спокойной, уверенной властью.

— Полковник Евтушенко, — представился он, останавливаясь перед диваном.

Алексей вяло поднялся.

— Алексей Владимирович.

Он пожал протянутую руку. Ладонь полковника была сухой и тёплой, рукопожатие — уверенным, но не давящим.

— А вы, значит, тот самый человек, что подслушал наших космических друзей? — с лёгкой, почти отеческой улыбкой и как будто ничего сверхъестественного не происходит, спросил полковник.

— А... да, это я, — признался Алексей. На самом деле он уже и забыл об этом инциденте. В свете золотой пирамиды над городом вчерашний радишум казался такой мелочью, что о нём было даже стыдно вспоминать.

— Поступило распоряжение сверху, — полковник Евтушенко перестал улыбаться, и его лицо стало серьёзным, как камень. — Вам требуется отправиться к нашим космическим друзьям!

— Как?! Зачем?! — Алексей отшатнулся, вжимаясь в спинку дивана. — Это из-за того, что я не... не зомбироваюсь? Вы меня им на опыты сдаёте?

— Успокойтесь, Алексей Владимирович, — полковник выставил вперёд ладонь в примирительном жесте. — С вами просто хотят поговорить. Я и сам мало что знаю, мне спустили директиву.

Он понизил голос, хотя в этом гудящем офисе их всё равно никто не мог подслушать.

— Но кажется, тот сигнал, что вы слышали... он не относится к нашим космическим друзьям. И их, — он кивнул куда-то в потолок, подразумевая золотистую пирамиду, — их очень заинтересовало данное событие. Вы поймали кого-то третьего, Алексей Владимирович. И теперь все игроки хотят знать, кто это.

— Проводите, майор!

Попрощавшись коротким кивком, полковник удалился по своим делам, мгновенно растворившись в суете штаба.

Майор Савин молча повёл Алексея на вертолётную площадку, открытую всем ветрам. Бетон здесь был покрыт тонким слоем наледи. Савин остановился у самого края взлётного круга, кинул на Алексея свой фирменный тяжёлый взгляд.

— Ждать здесь, — бросил он и, не дожидаясь ответа, ушёл обратно в тёплые недра базы, гулко хлопнув тяжёлой гермодверью.

Прошло минут пятнадцать. Алексей стоял под промозглым ветром в полном одиночестве и ждал не пойми чего. Ничего не происходило. Чудесным образом в корабль пришельцев он не

телепортировался. Никаких приближающихся пирамид или летающих блюд не наблюдалось. Только гул ветра и далёкий, затихающий рокот какой-то техники в глубине базы.

В какой-то момент Алексею вдруг померещилось, что это всё — какой-то чудовищный, жестокий розыгрыш. Сейчас из тёплого нутра бункера выйдет его Лена и коллеги с кафедры, покажут на него пальцем, где-то за углом взревёт хохот, и зажгутся софиты скрытой камеры. Они будут над ним смеяться: «Купился, Лёша! Как школьник! Поверил в инопланетян!».

От этих мыслей он даже нервно усмехнулся, растирая замёрзшие ладони. И впрямь, бред какой-то. Кафедра, диссертация, вечная нехватка денег... Ну какие пирамиды? Хотя... пирамиду и потоки людей он видел своими собственными глазами. Это было слишком реально для розыгрыша. Слишком страшно.

Глава 6

Десантный бот спустился быстро. Небольшая пирамида размером с грузовик беззвучно опустилась на площадку в десяти метрах от Алексея. При движении она не издавала ни звука, а то, как она перемещалась в воздухе, игнорируя порывы ветра, Алексей понять не мог. Никакого реактивного пламени, никаких винтов. «Возможно, какая-то технология антигравитации», — отстранённо подумал он, чувствуя, как мозг учёного пытается зацепиться за знакомые термины, чтобы не сойти с ума.

В борту аппарата с тихим шипением открылся люк, показав нутро капсулы. Никаких иллюминаторов — просто глухая комната, освещённая холодным, пульсирующим синим светом.

Алексей, помедлив лишь секунду, шагнул внутрь. Дверь за ним тут же закрылась, отрезав шум ветра и звуки базы. Он присел на скамейку — или, скорее, сиденье, как в вагоне метро, — из материала, который с виду напоминал то ли сверхпрочную керамику, то ли какой-то матовый, поглощающий свет пластик. Сиденье было ледяным.

Звуков, толчков или других признаков того, что аппарат оттолкнулся и куда-то полетел, не было. Вообще. Ни вибрации, ни перегрузки. Только лёгкое, едва уловимое изменение давления в ушах, словно он спускался на скоростном лифте в глубокой шахте.

Комната действительно напоминала лифт. Стены были отделаны панелями из того же материала, что и сиденье — гладкого, матового, тёплого на вид, но ледяного на ощупь. Лифт явно был рассчитан на восемь человек. Внутри было свежо, воздух — чистый, стерильный, без каких-либо запахов. Алексей, привыкший к затхлости старых зданий обсерватории, отметил эту идеальную, больничную чистоту. Ни пылинки.

Просидев так, в абсолютной тишине и одиночестве, минут пятнадцать, Алексей начал было думать, что про него просто забыли, как вдруг люк перед ним с тем же тихим шипением открылся.

В проёме люка Алексей увидел коридор — всё с тем же пульсирующим синим освещением, уходящий в обе стороны. Стены здесь были не из металла, а из какого-то гладкого, похожего на кость материала.

В коридоре его встречал пришелец.

Он был очень похож на человека, и от этого сходства Алексею стало не по себе. Отличала его голова — удлинённая, яйцеобразная, сильно загнута назад, словно затылок пытались вытянуть к небу. Глаза были ярко-голубыми, почти светящимися в полумраке. Кожа — смуглая, с бронзовым отливом. Черты лица, хоть и схожие с человеческими, чем-то явно отличались. Густые, кучерявые брови нависали над глазами, вместо волос густой кучерявый мех покрывал его голову. Всё вместе однозначно давало понять, что перед ним не землянин.

Одет он был в облегающий скафандр светло-коричневого цвета. На плечах, груди и туловище виднелись коричневые эргономичные пластины, плотно подогнанные по фигуре. Вид был футуристический, вполне под стать иноземному гостю. Оружия или каких-либо других предметов в руках у него не было. Он просто стоял и смотрел на Алексея своими пронзительными голубыми глазами.

Инопланетянин сделал плавный, скользящий шаг вперёд. Его движения были текучими, лишёнными резкости, но в них чувствовалась скрытая мощь. Не говоря ни слова, он протянул руку.

Алексей инстинктивно дёрнулся назад, вжимаясь в сиденье, но было поздно. Пришелец мягко, но неотвратимо прижал к его виску круглый, холодный предмет размером с пятирублёвую монету.

Раздалось едва слышное, влажное «чпок» — словно присоска присосалась к коже. По затылку пробежал лёгкий холодок, а затем — странное, щекочущее тепло, прокатившееся по нервным окончаниям прямо в мозг.

Предмет отлепился так же бесшумно и исчез в складках скафандра пришельца.

Существо чуть склонило свою вытянутую голову набок, изучая реакцию человека. Губы инопланетянина шевельнулись, и из гортани полились звуки — низкий, вибрирующий гул, совершенно нечленораздельный. Но в голове Алексея этот гул мгновенно сложился в чёткие, понятные русские слова, произнесённые без всякого акцента:

— Ты меня понимаешь, человек?

— Д-да... здравствуйте! — выдавил из себя Алексей.

Он растерянно моргнул, всё ещё чувствуя фантомное тепло на виске. Слова прозвучали жалко и неестественно в этой стерильной тишине. Он ожидал чего угодно — мысленного контакта, пучка света из глаз, — но не обычного разговора, словно в поликлинике.

Инопланетянин не дал ему дальше мешкать. Он плавно развернулся, и его коричневая пластина на плече тускло блеснула в синем свете.

— Следуй за мной! — приказал он тем же гулким, переведённым голосом.

Алексей, спотыкаясь о собственные ноги, неуклюже выбрался из капсулы. Холодный пол коридора обжёг ступни сквозь тонкие подошвы ботинок. Он засеменил за широкой спиной пришельца, стараясь не отставать. Коридор казался бесконечным.

Таинственный пришелец провёл Алексея через коридор до лифта, на нём они поднялись наверх, как показалось Алексею. Хотя никаких стрелочек или кнопок с этажами там не было. Выйдя из лифта, они прошли ещё несколько коридоров и зашли в просторную каюту. Больше похожую на операционную: там стояли столы, софиты, какие-то приборы. Вот тут-то Алексею стало совсем дурно. В его голове моментально пронеслись картины, как его будут препарировать, как какую-то лягушку на этом страшном столе, ковыряться во внутренностях, и всё это примерно без анестезии и в сознании.

Сопровождающий, который привёл Алексея, молча кивнул и скрылся за одной из дверей в стене коридора.

Второй инопланетянин, стоявший чуть в стороне у пульта, который Алексей сначала принял за деталь интерьера, повернулся. Он был одет в такой же, только светло-серый скафандр, но без боевых пластин — его костюм был полностью гладким. Он подошёл ближе, и его движения были мягкими, какими-то гипнотическими.

К Алексею он обратился вполне по-человечески, даже с тёплой, ободряющей улыбкой, которая, правда, выглядела немного жутковато на его нечеловеческом лице.

— Приветствую, Алексей! Меня зовут Нахарет Азу. Я врач на линкоре «Хери». Как себя чувствуете?

Алексей стоял, не в силах пошевелиться. Его лицо стало бледнее, чем гладкий серый скафандр доктора. В горле пересохло так, словно он неделю бродил по пустыне. Сердце колотилось где-то в районе кадыка, мешая дышать.

Он попытался сглотнуть, но мышцы не слушались. Взгляд метнулся от пронзительных голубых глаз пришельца к его вытянутому затылку и обратно.

С огромным трудом, заставив челюсть разжаться, он с хрипом выдавил из себя:

— Н-нормально...

— Да что ж вы так испугались, дружок? — с нисходительной, почти отеческой улыбкой сказал Нахарет Азу. В его голосе не было насмешки, только искреннее, медицинское беспокойство. — Присядьте, выпейте стакан воды. Вам нужно успокоить пульс.

Он указал длинной рукой на соседнее сиденье. Алексей, чьи ноги всё ещё плохо слушались, механически опустился на «керамическую» скамью.

Доктор протянул руку к стене. Часть обшивки с тихим шелестом отъехала в сторону, открывая небольшую нишу. Внутри стоял обычный прозрачный стакан из чего-то среднего между стеклом и гладким пластиком.

Нахарет Азу нажал невидимую кнопку на панели. Раздалось тихое, мелодичное шипение, и в стакан, как в советском автомате с газировкой, налилась вода — чистая, прозрачная, с пузырьками кислорода, поднимающимися со дна. Доктор взял стакан и протянул его Алексею.

Алексей сделал пару жадных, крупных глотков. Ледяная вода обожгла горло, но немного привела в чувство. Рука всё ещё мелко дрожала, и он поспешно поставил стакан на сиденье рядом с собой, боясь выронить.

Тем временем Нахарет Азу, всё так же мягко улыбаясь, сложил руки на груди:

— У вас, наверное, полно вопросов. Но давайте с этим позже. У вас будет возможность задать все имеющиеся вопросы нашему капитану — он очень хотел с вами пообщаться.

Доктор сделал плавный шаг вперёд, и его тон сменился с приветливого на профессионально-деловитый.

— А пока давайте проведём несколько безболезненных процедур. Знаете, на планетах младших рас встречаются такие... специфические формы жизни, от которых даже мы можем пострадать. Да и вам не мешает вакцинация от космической лихорадки. Протяните руку, пожалуйста. Это не займёт много времени.

Док сделал шаг вплотную. В его руке появился инструмент, похожий на толстую авто-ручку из тёмного металла. Раздалось короткое, резкое «пфф», похожее на звук велосипедного насоса. Алексей даже не успел почувствовать боли — пневмо-шприц с лёгким щелчком втянул в себя пробирку густой тёмной крови.

Не говоря ни слова, Нахарет Азу вставил стеклянную ампулу в гнездо плоского анализатора, закреплённого у него на предплечье. Прибор тихо загудел, по его поверхности побежали строки светящихся символов, которые Алексей не мог прочитать.

— Отлично, — кивнул доктор, извлекая ампулу. — Теперь защита.

Он достал из поясного контейнера ещё одну ампулу с мутноватой жидкостью и сменил насадку на своей «ручке». Холодный металлический наконечник коснулся плеча Алексея. Снова короткий вдох механизма — «пфф».

В момент укола по венам Алексея пробежал странный, обжигающий холод, который тут же сменился волной звона в ушах и лёгкого головокружения.

Как только доктор убрал шприц, в голове Алексея, перекрывая страх перед пришельцем, зароились параноидальные мысли. Вакцинация... Как же. Они только что вкачали в него что-то. Нанороботов. Жучков. Теперь он — ходячий маяк. Они видят его глазами, слышат его ушами. Он сжал левое плечо правой рукой, словно пытаясь раздавить невидимую заразу, и затравленно посмотрел на доктора. Тот лишь ободряюще кивнул, убирая инструменты.

— Вот и всё. Реакция организма в норме. Идёмте, капитан ждёт.

Нахарет Азу провёл Алексея обратно к тому же бесшумному лифту, но заходить внутрь не стал.

— Вам на мостик, — сказал он, и его голубые глаза на секунду задержались на плече Алексея, где под кожей всё ещё ощущался холод от укола.

Двери закрылись, отрезая доктора. Мягкий толчок — настолько плавный, что Алексей усомнился, двигается ли кабина вообще. Прошло не более трёх секунд. Раздалось тихое шипение, и двери открылись.

Алексей шагнул вперёд и замер.

Он оказался на мостике. Большое, просторное помещение имело форму усечённой пирамиды, судя по всему, они находились практически на самой вершине этой колоссальной пирамиды. Одной из стен будто и не было, открывая вид на бездонную черноту космоса, усеянную знакомыми созвездиями. Стены и потолок плавно перетекали друг в друга, не имея ни одного острого угла.

Вдоль наклонных стен располагались полукруглые консоли с голографическими мониторами, парящими в воздухе. Десятки пришельцев — все в таких же скафандрах, но разных оттенков синего — сидели за ними. В помещении стояла напряжённая, рабочая тишина, нарушаемая лишь тихим гулом систем и щелчками интерфейсов. Никто не обратил на человека внимания.

Прямо у выхода из лифта его встречал другой инопланетянин. Его скафандр был светло-золотого цвета, а на груди и плечах поблёскивали массивные золотые пластины, выглядящие как церемониальная броня. В отличие от остальных, этот стоял неподвижно, сложив руки за спиной, и смотрел прямо на Алексея. Пришелец плавно шагнул вперёд, оказавшись в центре свободного пространства перед лифтом. Он не стал подходить вплотную, соблюдая дистанцию, но его присутствие ощущалось физически — как давление глубинной воды.

— Приветствую, Алексей, — голос пришельца был низким, бархатным и лишённым того механического эха, которое Алексей слышал от майора Савина. Он говорил на чистом русском, установленный нейро-драйвер отрабатывал безупречно, но в интонациях чувствовалась странная грусть и усталость. — Меня зовут Са-енмут. Я капитан корабля «Хери» и наместник той части галактики, к которой принадлежит и ваша родная планета.

Он сделал небольшую паузу, внимательно изучая лицо человека. Его вытянутый череп слегка склонился набок, как у любопытной птицы.

— Я хотел бы у вас узнать подробности того сигнала, который вы перехватили позавчера. Видите ли, мы ранее не встречались с данным типом кодировки. Я как исследователь... — он выделил это слово, и в его голубых глазах на мгновение блеснул искренний, почти мальчишеский интерес, — интересуюсь всем новым. К моему глубокому сожалению, нового осталось совсем мало в нашей галактике.

Тем временем капитан сделал приглашающий жест рукой, указывая на изогнутую «скамью» из того же керамического материала, стоящую прямо у панорамного окна. Или это был огромный монитор?

За «стеклом», во всей своей пугающей, холодной красе, раскинулась картина ближайшего космоса — его родная стихия. Алексей хорошо знал эту карту неба, каждую звезду, ведь он был астрономом.

Слева, занимая половину обзора, висел терминатор Земли — граница дня и ночи. Он видел знакомые очертания континентов, но они были неестественно тёмными. Там, где должен был сиять электрическими огнями Новосибирск, где должны были мерцать огни Москвы и Санкт-Петербурга, царил абсолютный, первобытный мрак. Только редкие, одинокие искорки пожаров нарушали эту чернильную пустоту.

Справа, ослепительно сияя в лучах Солнца, висели те самые золотые пирамиды, на одной из которых он и находился. А чуть дальше, в бархатной черноте, Алексей без труда опознал россыпь звёзд пояса Ориона: голубоватый Ригель, кроваво-красный Бетельгейзе и, конечно, пояс из трёх звёзд — Альнитак, Альнилам и Минтака.

Он смотрел на эту картину, и его уверенность только крепла. Он знал это небо лучше, чем карту своего района.

— Благодарю, — сказал он, проходя к окну и садясь. Он смотрел не на капитана, а на Землю, на свой пустой, тёмный город. — Я слушаю вас. И я хочу знать всё. Не только про сигнал. Я хочу знать, почему мой город сейчас в темноте.

Са-енмут искренне, почти по-человечески рассмеялся. Звук был низким, вибрирующим, но в нём не было угрозы.

— Вы весьма прямолинейны, и у вас, Алексей, тоже душа исследователя! Мне это нравится. Хорошо, я утолю ваше любопытство.

Капитан заложил руки за спину, его золотая броня тихо звякнула. Он смотрел на тёмный диск Земли с видом усталого зрителя музея.

— Я принадлежу к расе ануннаков. Мы — старшая раса в этой части галактики, в рукаве Ориона. Младшие расы платят нам дань, а мы позволяем им жить и развиваться по их законам. Так было. Но теперь пришли перемены.

Он повернул свою вытянутую голову к Алексею. Его голубые глаза смотрели не свысока, а с какой-то зрелой, понимающей грустью.

— Я не знаю о причинах этих перемен. Знаю только, что это эвакуация. И она напрямую связана с тем сигналом, что вы получили. Моё предположение... заключается в том, что этот сигнал — приветствие от гостей из другой галактики. А такая спешная эвакуация проводится для вашей же безопасности. Мы просто... убираем хрупкую посуду со стола, прежде чем начнётся буря.

— А куда вы везёте людей? — спросил Алексей, не отрывая взгляда от вида на космос.

Он наблюдал, как в черноте космоса, на фоне россыпи Млечного Пути, блестят другие пирамиды — корабли ануннаков, что уже собрали свои партии людей. Они выстраивались в

идеальный сферический ордер вокруг «Хери», ожидая команды. Это был не флот вторжения. Это был флот-архив. Флот-эвакуатор.

Са-енмут проследил за его взглядом. На мгновение его лицо утратило всякое выражение, став похожим на ритуальную маску.

— В распределительный центр, — голос Са-енмута снова стал сухим и деловым, лишившись всякой теплоты. Он отвернулся от окна и посмотрел на Алексея сверху вниз. — Люди — это ресурс.

Он начал загибать пальцы, перечисляя с видом экономиста:

— Их можно продать на рабские рынки нунков или гиенахов. Их можно отправить добывать ресурсы на токсичные планеты или оставить для занятий низкоквалифицированным трудом. А ещё... мы обучаем младшие расы работе внутри кораблей. Обслуживание систем, уборка, простая логистика. Самые успешные и... покорные особи даже становятся пилотами челноков! Видите ли, Алексей Владимирович, ануннаки не воюют. Мы управляем. А для управления нужны руки. Много рук.

— А теперь давайте поговорим о сигнале! — тон Са-енмута резко сменился с хозяйского на академический. Он сел в кресло напротив, и его золотая броня издала тихий, мелодичный звон. Вся его поза выражала предельное внимание.

И Алексей рассказал всё, что знал. Он говорил быстро, чётко, как на защите диссертации, забыв, что перед ним не коллега-астрофизик, а инопланетный захватчик.

— Это не стандартный радиоимпульс, — начал Алексей, чертя пальцем по гладкой поверхности «столика» между ними, словно рисуя график. — Частота — 1420 мегагерц, линия нейтрального водорода, классика... Но модуляция неестественная. Синусоида с периодом ровно в одиннадцать секунд. Абсолютная точность. Мы получили его из сектора, который мы называем «Зона тишины» — это пустота между рукавами Персея и Ориона, там нет плотных звёздных скоплений, только разреженный газ.

Он поднял взгляд на голубые глаза капитана.

— Первый всплеск был позавчера, в 23:14 по новосибирскому времени. Длительность — 0,8 секунды. Потом тишина. Через 7 минут он повторился. Но к синусоиде добавился низкочастотный гул. Резонансный. У меня в лаборатории от него завибрировали алюминиевые корпусы серверов. И всё. Больше сигналов не было.

— У вас есть запись? — с интересом спросил Са-енмут.

— Та запись, что пришла от вашего главы, ушла наверх под секретным шифром, — с досадой произнёс он.

— Да, есть, — ответил Алексей, про себя отметив, что в этом пришельцы не сильно от них отличаются, и, возможно, у них есть свой Магадан.

Алексей достал флешку и протянул её Са-енмуту.

— Вот тут запись.

Отдавая её, Алексей напрягся. Холодный пластик в его ладони внезапно показался горячим. Он больше не нужен этим пришельцам. Он отдаёт им то, ради чего его забрали. Что будет дальше с ним? Всё это — от участи «биомассы» до судьбы лабораторной крысы — пронеслось в его голове за долю секунды. Он застыл на секунду, смотря на простую USB-флешку с написанной датой 07.11.22. Это дата его свадьбы с Леной, на этой флешке были их свадебные фото и видео, которые он давно стёр ради каких-то нужных файлов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.